ДИНАСТИЯ

Время идет, и даже трагически знаменитый московский Дом на набережной стареет. Нет большей части легендарных хозяев, нет армии дворников, нет лифтеров, вахтерш, обслуги. Дом, как уже очень старый и переживший всех своих ровесников человек, с удивлением и осуждением взирает на окружающий мир.

Здесь с 1962 года живет семья Бориса Александровича Александрова. Композитора и дирижера, генерала, долгие годы возглавлявшего знаменитый ансамбль песни и пляски нашей армии, носящий имя его отца, Александра Васильевича Александрова. Борис Александрович умер в 1994 году. В огромной и опустевшей квартире остались его жена Ольга Михайловна и правнук Олег.

Олег открыл мне дверь, ввел в огромные тихие покои. Из глубины бесконечного коридора, медленно и тяжело ступая, вышла маленькая пожилая женщина — Ольга Михайловна Александрова.

Из небольшой рабочей гостиной (в квартире есть другие, для торжеств) виден храм. Хозяйка утверждает, что "новый" храм совсем не такой, как "старый". Прежний был выше, к нему надо было подниматься по большой мраморной лестнице с перилами...

Все стены комнаты в квартире Александровых завешаны картинами в массивных позолоченных рамах. Большая их часть — работы Бориса Александровича. В основном пейзажи и натюрморты. Работы хвалил сам Глазунов, но они никогда не выставлялись. "Муж был очень стеснителен". По старой московской традиции непонятно откуда появляется чай.

МАМА ПОЮЩЕГО СПЕЦНАЗА

Ольга Александрова: "Я жду светлого будущего"

— Мне 93 года. Я старше Бориса Александровича на десять дней (Ольга Михайловна называла своего мужа только по имени-отчеству). Он родился на Ильин день, а я — на Казанскую Божью Матерь.

— Вы верите в Бога?

— А как же! Знаете, я же из духовенства. У меня дед был протоиерей. Мама родилась в семье купца первой гильдии, который торговал тканями в Гостином дворе и носил титул поставщика Двора Его Императорского Величества.

Знаете, а свекор и муж до последних дней своих были верующими. Александр Васильевич был регентом храма Христа Спасителя, а Борис Александрович пел в церковном хоре для мальчиков. Но были времена, когда это приходилось скрывать.

До революции мы с родителями жили в Петербурге. И хотя мама Елизавета Ильинична была безграмотной (выучилась только после того, как вышла замуж), я умела читать, писать и считать уже в пять лет. В 1917 году, когда Корнилов наступал на Петроград, моя семья решила покинуть голодный и холодный город. "Эмигрировали" на Тамбовщину в Борисоглебск, где и переждали "бурное" время. А в 1921 году снова поехали в северную столицу, где отец Михаил Александрович поступил на службу к большевикам. Чуть позже мы вместе с правительством переселились в Москву. Папа работал в Кремле, вместе с Лениным. Кстати, впервые я увидела Ленина весной 1917 года, когда он выступал на балконе особняка Кшесинской. Машин тогда было мало, и отцу к подъезду подавали извозчика.

Ленин предоставил нашей семье (у меня была еще сестра) квартиру в Трубниковском переулке. Шестикомнатную, но мы заняли только четыре. Училась я в школе в Староконюшенном переулке в одном классе с Массальским. Дружили с ним очень. После школы я поступила в институт Брюсова (тогда Высший литературно-художественный институт). Я очень увлекалась литературой, даже стихи писала.

Позже пришлось "переключиться" со стихов на музыку. Надо было как-то соответствовать мужу в музыкальном плане. У меня недурственный голос. Пела в хоре, умела хорошо играть на рояле, как и любая тогдашняя девочка из интеллигентной семьи. Но до брака относилась к музыке весьма легкомысленно. И лишь после свадьбы поступила в музыкальное училище при консерватории.

— Как приняла вас семья Александровых?

— Познакомились мы на вечеринке у подруги. У нас была такая хорошая веселая компания. Там были Массальский, Приблудный — друг Есенина. После вечеринки Борис Александрович пошел меня провожать.

По его признанию, он влюбился в меня с первого взгляда. А ухаживал целых два с половиной года. У меня в то время было очень много знакомых, ухажеров разных — очень подвижная и симпатичная была девочка. Ну подруги и говорят: "Такой хороший парень, на рояле играет и симпатичный". Тут я его и заметила. А потом как-то судьба сама свела...

Замуж за Бориса Александровича я вышла в 1926 году. Венчались мы в церкви. После свадьбы Борис Александрович стал жить у меня. У Александровых в ту пору была плохая квартира. Они жили в церковном доме (мне указали на него из окна), недалеко от храма, который был построен одновременно с ним. Было очень больно видеть, когда храм рушили. Узнали мы об этом неожиданно. На квартиру пришли какие-то люди, приказали открыть окна и встать в центр. Мы ничего не поняли, спросили в чем дело. "Будут взрывать храм". Все охнули...

Так вот, отец выделил мне в ту пору комнату — 18 метров. Так что я была богатой невестой с отличным приданым. Там мы и поселились после свадьбы. Александровы приняли меня тепло. Александр Васильевич часто захаживал к нам в дом и считался "своим". Я со своей стороны постоянно крутилась у них.

— Наверное, не зря говорят, что ансамбль Красной Армии — это ваше семейное детище. Как он появился на свет.

— Действительно, образовался он прямо-таки на моих глазах. Сначала были вечерние посиделки в столовой, на которых собиралась троица — Александр Васильевич, Ильин и Данилович. Потом стали певцы какие-то появляться, музыканты.

Александр Васильевич очень любил народные песни. Сам ведь вышел из простой крестьянской семьи. Без всякого блата поехал в Рязань, потом в Петербург. В результате они решили создать военный ансамбль — солдатскую эстрадную группу.

Вначале было шесть человек и один баянист, они давали концерты в ЦДКА. И вот однажды их услышал Ворошилов. Ему страшно понравилось. Тут же был отдан приказ по всей стране искать талантливых певцов и музыкантов и присылать их в Москву. Кроме того, Ворошилов потребовал построить специальный дом для ансамбля на Писцовой улице (военные артисты занимают его и по сей день). Потом появился оркестр, потом — танцоры. В 30-е годы в ансамбле работали два сына Буденного. Ворошилов просто дрожал за ансамбль. Жил он в основном на своей даче под Москвой в Хлебниково. Они там часто пели вместе с Александром Васильевичем, в том числе и молитвы.

Ворошилов же в молодости состоял в церковном хоре. Позже и Бориса Александровича очень тепло принимал. Ворошилов спрашивает: "Такую-то молитву знаешь? Ну давай!" Вот и "молились" вдвоем на весь Кремль. Даже своего приемного сына (родного сына Фрунзе, который стал летчиком и погиб) Ворошилов похоронил напротив Александра Васильевича на Новодевичьем.

— Ольга Михайловна, а не жутко было в те годы в знаменитом Доме на набережной?

— Сюда мы переехали не сразу. Сначала Ворошилов "выбил" для нас новую квартиру на Чкаловской улице, рядом с Курским вокзалом. А в Доме на набережной мы поселились только после смерти Александра Васильевича, когда начальником ансамбля стал его сын и мой муж. На этот раз помог маршал Василевский, который очень любил и уважал Бориса Александровича. Квартира тогда освобождалась — отсюда съезжал маршал Баграмян.

— А репрессии вас никак не коснулись?

— Нас, слава богу, нет, а вот некоторых наших друзей... Столкнулись мы с этим, еще когда жили в коммунальной квартире. Там были и аресты, и обыски. По ночам тряслись все. Знаете, что такое коммуналка? Раздается один звонок — все сидят, два звонка — первый отдыхает... У нас арестовали двух соседей. В ансамбле же забрали некоего Бабаева. Отпустили, правда, потом.

— Во время войны музы, естественно, молчали?

— Непосредственно перед войной я работала в железнодорожном ансамбле, который по просьбе Кагановича опять же организовал Александр Васильевич. Я там пела.

Когда же все началось, мы "скрылись" на подмосковной даче (57-й километр по Ярославскому шоссе). Туда приезжал Хачатурян, с которым мы дружили на протяжении всей жизни. У них тогда только родился сын Карен. Там очень сильно бомбили, и мы эвакуировались в Горький, из Горького — в Казань, а из Казани — в Бугульму. Тут Ворошилов опомнился: "Где ансамбль?"

В результате всех артистов срочно вызвали в Москву, где они выступили в метро сразу после доклада Сталина. Коллектив разделили на четыре бригады, которые отправили на фронт. Так всю войну и "гастролировали". Был даже случай, когда пели по телефону. В апреле 1942 года я вернулась в Москву.

— Ольга Михайловна перечислила свои награды: "За оборону Москвы", три за "За доблестный труд" и даже одну монгольскую медаль.

— Сразу после победы ансамбль стал много ездить по освобожденной Восточной Европе. К этому времени Борис Александрович уже обладал очень большим весом в коллективе. Все смотрели на него, как на преемника отца. 9 мая 1945 года, когда Александр Васильевич перенес тяжелый инфаркт, ансамблю надо было выступать в Кремле перед Сталиным. Вместо отца дирижировал сын. Таким образом, Борис Александрович с честью сдал этот своего рода экзамен.

Александр Васильевич умер в 1946 году в Берлине. Ему вообще нельзя было никуда ездить, он сильно болел. Но все же поехал в Польшу, где гастролировал ансамбль. А оттуда — в Берлин, просто посмотреть. Сталину сразу доложили об этом. На вопрос, где он умер, Сталину ответили, что в Берлине. "А почему коллектив в Польше, а он умер в Берлине?" В итоге всех, кто был со свекром в этой поездке, выгнали. По личному распоряжению Сталина на место отца назначили сына.

— А как складывалась судьба коллектива после того, как Ворошилов попал в опалу?

— Хрущев был без ума от ансамбля. Часто приглашал к себе на дачу и в Кремль. Помню один торжественный прием в Кремле. Мы стояли в сторонке с Борисом Александровичем, рядом с нами — Гагарин с женой. И вот Хрущев идет по ковровой дорожке, вдруг резко поворачивается, раздвигает толпу, подходит к нам и здоровается с Гагариным и мужем. Надо же, как высмотрел!

А вот Брежнева мы совершенно не знали. В Кремле мы при нем практически не выступали. Окружение у него уже было не то. Хотя "генерала" Борису Александровичу "дал" именно он. Вплоть до самой пенсии муж был только полковником. Он очень трудно продвигался по службе. Но вот Брежневу страшно понравилась одна из его песен "Присяга". Генсек тут же удивился, почему Александров еще не генерал — на следующий день мужу присвоили звание.

Очень неприятно выглядел и уход Бориса Александровича из ансамбля, которому тот посвятил всю жизнь. Его попросту "ушли" оттуда. Конечно, муж и сам понимал, что здоровье было уже не то. Он перенес два инфаркта и криз. Но все же он мог бы не дирижировать, не выступать, а просто руководить коллективом. Но произошла одна грязная история, и он вынужден был уйти.

— Вы ездили вместе с ансамблем на всевозможные гастроли. Какое впечатление на вас произвела заграница и как иностранцы относились к коллективу?

— По специальному распоряжению Политуправления армии я ездила с ансамблем во все их поездки. Меня называли "наша мама". Ко мне приходили со всеми радостями и бедами. Я была как бы громоотводом между Борисом Александровичем и окружающим миром. Много брала на себя, отстраняла его от всего плохого. Этого ему и так хватало. И не такой уж он был здоровый человек. Очень импульсивный, муж иногда бывал несколько вспыльчив — приходилось гасить эти проявления гнева. А что касается гастролей...

При выезде в любую страну коллектив всегда выучивал песню на языке страны пребывания. Таким образом, хочешь не хочешь, а вставать надо, кто бы там ни исполнял. И вот в 1956 году в Англии ансамбль запел "Боже, храни королеву!" Практически во всех отзывах отмечалось: "Ну как не любить этих русских, которые поют наши песни".

Как-то Андропов сказал Борису Александровичу: "Ваши выступления делают больше за один концерт, чем мы, послы, за десять лет". А вот в Америку мы до перестройки не выезжали ни разу. Однажды нас пригласили туда, но с обязательным условием — переодеть всех во фраки. Разумеется, Борис Александрович отказался. Масса была провокаций. Гастролировали мы в Канаде. И тамошний импресарио Кудрявцев — враг страны номер один, бывший раньше личным охранником царя, специально нанял провокаторов со специфическими плакатами: "Red Army Go Home!", "Не ходите на концерт к убийцам!" и т. д. А спустя несколько часов на те деньги, которые им заплатил Кудрявцев, эти люди шли на концерт и кричали нам: "Браво!"

В начале пятидесятых коллектив послали с концертами в Китай. Причем изначально туда должен был ехать ансамбль Моисеева. Им даже успели сделать специальные уколы. Но что-то не сложилось, и Сталин "предложил" ехать нам. От таких "предложений" трудно было отказаться. Вот и получилось: уколы сделали Моисееву, а поехали мы. В Болгарии нас вообще отравили черешней. В итоге полколлектива заболело ангиной.

— А чем сегодня занимается "мама" ансамбля? Как-то контактируете со своими питомцами?

— Никак не контактирую. Друзей не осталось, все умерли. Одна я — древняя старуха.

Правнук ставит кассету с фильмом о семье Александровых. Дружеские застолья сменяются заграничными съемками. Ольга Михайловна то и дело указывает на очередное лицо: "Этот давно уже умер, а этот совсем недавно".

— Раньше у нас были прекрасные отношения с Мурадели, Соловьевым-Седым, Хачатуряном, Хренниковым. Вот только что последний и остался. Что ж до нынешнего ансамбля... Искусство никогда не умрет. У меня правнук там поет. И хотя к новому репертуару ансамбля отношусь отрицательно, понимаю, что им приходится зарабатывать на хлеб.

Меценатов сегодня нет. Сама получаю обыкновенную военную пенсию за Бориса Александровича. Авторские права нам зачисляют. Правда, за что конкретно, не знаю. Но "навар" идет. Что-то от государства? Что вы! Да им и некогда (смеется).

Долгая пауза. Взгляд блуждает по великолепным статуэткам — подаркам прошлых лет. Комнату освещает старая лампа, оставшаяся еще от Бориса Александровича. Современный музыкальный центр резко контрастирует с видавшим виды сервантом, наполненным всевозможными милыми безделушками... Отпив чаю, Ольга Михайловна меланхолически продолжает:

— Ансамбль — это моя жизнь. Современные события мне трудно воспринимать. Очень многое возмущает, но что поделаешь... Я жду светлого будущего.

Как я ни пытался, мне не удалось подробно поговорить с Ольгой Михайловной о семье. Она незаметно, но твердо уходила от ответов. Ее можно понять.

Судьба не пощадила эту женщину. В возрасте 25 лет умер единственный сын Александровых Олег. Их внучка была убита в 1996 году во время ограбления квартиры.

Сейчас единственным родным человеком для Ольги Михайловны остался правнук Олег, который продолжает дело предков — учится при консерватории и поет в ансамбле. Своего рода — связующее звено между прошлым и будущим. На намек о преемственности с улыбкой отвечает, что начальником не будет точно, а в остальном — время покажет.

Странным образом время материализовалось в именитой семье. Меня провожали прабабушка и правнук — картина, которая еще раз подтвердила загадочную репутацию таинственного Дома на набережной.

Дмитрий ГУСЕВ.